

Эль Финист

МЕТА НОЙЯ

Ты способен разорвать этот круг

18+

Эль Финист

Метанойя

«Автор»

2026

Финист Э.

Метанойя / Э. Финист — «Автор», 2026

Когда покаяние растягивается на века. Способен ли ты разорвать этот круг? 2026 год. Москва-Сити. Павел — гениальный фаундер, чей уникальный FinTech-стартап меняет правила игры. Но когда на его империю обрушивается удар циничного венчурного хищника Жестова, мир алгоритмов рушится. В разгар корпоративных войн, DDoS-атак и шантажа топ-юрист Анна идет на жертву, а измотанный создатель кода готовит ИИ-скрипт аннигиляции врага. Но почему в его сознании гремит первобытный набат? 1850 год. Дикий Запад. Вероломный налет кавалерии уничтожает лагерь индейцев мохаве, отрезая племя от источника жизни. Юный Халтя заносит каменный нож над горлом Офицера, совершая роковой шаг. Вспышка аномальной московской грозы схлопнет эпохи. Как распутать кармическую петлю, если генетическая память прорывает века? Возможно ли взломать иллюзорную матрицу прошлого и вернуть свободу, когда палец завис над клавишей Enter? Премияльный неонуарный психологический технотриллер о покаянии, искуплении и метанойе духа.

© Финист Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Эль Финист Метанойя

Когда покаяние растягивается на века...

Глава 1

Москва, настоящее время

На семьдесят втором этаже башни «Федерация» Москва-Сити активно работали кондиционеры, но не было живого воздуха. Офисные сотрудники, находившиеся там целыми днями, как в дорогом аквариуме, со временем переставали ощущать это. Вокруг царил безупречно отфильтрованная смесь азота и кислорода, пахнувшая глянцевым пластиком, серверами и мертвой канцелярией мегаполиса. Она будто въелась под кожу и стала естественной средой обитания, заменяющей всё живое.

Павел стоял у гигантского стеклянного полотна, заложив длинные пальцы в карманы идеально отглаженных серых брюк. Владелец прорывного стартапа в сфере финансовых технологий на стыке с IT, который быстро и агрессивно завоевал российский рынок. Красивый, с тонкими чертами северных народов, бесстрастный и невероятно перспективный по оценке столичных женщин, тридцатитрехлетний мужчина смотрел на свое отражение, смешанное с урбанистическим пейзажем столицы.

Светлые волосы были уложены волосок к волоску, без лишних деталей и воска. Ему не приходилось прикладывать к этому усилий — в его жизни как будто бы всё складывалось само, притягиваясь невидимым магнитом личного обаяния и упорства. Высеченный из природы цельного гранита, Павел казался монолитом без единого намека на суету и эмоции. Он подчинялся только холодному рассудку и силе воли.

На стеклянном столе позади него царил минималистичный порядок: ультрабук, смартфоны, выровненные строго параллельно краю, и бутылка дорогой артезианской воды. Личная философия строгой структуры служила невидимым барьером от хаоса и иррациональности окружающего мира. Логика, алгоритмы и абсолютная чистота — только в них он находил покой среди бешеного, удушающего ритма Москвы.

Павел смотрел на мерцающие графики капитализации их платформы, но цифры с шестью нулями не вызвали в его душе трепета. Большинство обитателей Сити были заложниками матрицы выживания — они крутились в этой золотой крысиной норе, выжигая жизни ради покупки более дорогих костюмов, машин и статуса, панически боясь потерять доход.

Павел был устроен иначе. Деньги никогда не были для него конечной ценностью или идолом. Для его интровертной и свободной природы миллионы на счетах являлись лишь эквивалентом признания его таланта со стороны Вселенной, удобными фишками в большой, красивой игре и, главное, инструментом для покупки абсолютной, осязаемой свободы. Деньги давали ему возможность не зависеть от чужих правил, открывать новые горизонты созидания и строить свой собственный, чистый мир на кончиках клавиатуры. Он создавал FinTech не ради накопления обезличенных цифровых активов, а ради самого акта творчества. Хотел быть свободным, а не богатым. Но уличный мир столицы мерил всё исключительно ценой поглощения.

Он не спал уже практически двое суток. Глаза пекло от напряжения, но ум — точно квантовый компьютер, работающий на резервных батареях, — отказывался отключаться. Павел выстраивал архитектуру и защиту нового финтех-продукта. В систему внедрялись прорывные инструменты, включая криптоплатежи, поэтому защита от мошенничества и безопасность должны были стать её основными столпами. Никакого гемблинга и мутных, непрозрачных схем. Перед его мысленным взором, прямо поверх ночной неоновой сетки столицы, плыли каскады символов, графики и векторы, похожие на зеленые строки матрицы кода. Это была его математическая симфония, способная завтра на совете директоров спасти дело от поглощения.

Павел всегда стремительно бежал к достижениям, всем нутром не принимая поражений. С детства, проведенного в сером запыленном Омске, он бредил созданием собственной империи. Потому что он так хотел, и он мог. Немалые амбиции активно поддерживались родите-

лями, которые постоянно напоминали ему: добиться можно чего угодно, если очень захотеть. Учеба была для него лишь очередным уровнем в квесте. Занятия он щелкал как орешки, мгновенно считывая правила уроков и поведения с учителями, как понятной игры. Даже баскетбол, где высокий рост и динамика позволяли забирать победу за победой на соревнованиях ДЮСШ, служил идеальной школой и фасадом.

Москва всей своей природой обожает такую породу и статью. Она с легкостью забирает в свои хищные объятия и перемалывает людей под себя, отдавая взамен деньги, власть и реализацию неумных амбиций. Знающие люди оценивали Павла как безупречную биомеханическую машину. На работе часто шутили: «Ну, Паша у нас просто робот без усталости и тормозов».

Но внутри этого бессменного костюма на публику зияла огромная черная яма. К тридцати трем годам пустота становилась всё отчетливее, периодически напоминая о себе паническими атаками. Необъяснимую неуверенность в собственной самооценности он годами пытался заделать программными кодами и миллиардными графиками.

Павел пару раз заходил к психологу — теперь это обязательный пункт в расписании топов Москвы, такой же, как годовая карта в премиальный фитнес. Но его строгому, математическому уму быстро наскучил этот формат. Как рациональный человек, он не видел никакого смысла бесконечных и пустых инвестиций в хождение по мукам различных терапевтических методик.

Некоторые его знакомые инвесторы и коллеги по Сити годами плотно сидели на этой игле: они каждую неделю вспоминали бывших женщин, искали детские травмы и обсуждали свои обиды, превращая терапию в дорогой сериал без финала. Павла это раздражало. Каждый раз на сессиях выяснялось одно и то же: реальных причин для его панических атак просто нет. Не было никакого смысла годами перебирать спокойные, благополучные эпизоды нормального прошлого. Никаких явных травм в виде алкоголизма близких, смертей, насилия или безнадежной нищеты он не знал. Родители искренне любили его. Скромные работники инженерного отдела и бухгалтерии крупного предприятия города открыто гордились сыном, не оставляя на его душе никаких видимых шрамов.

Среди сверстников Павел всегда был лидером — его уважали и в школе, и в университете. И хотя Физтех считался суровым местом, он с легкостью проходил любые испытания. Находил общий язык как с замкнутыми коллегами-программистами в аутичном спектре, прежде всего, за интеллект, так и с активной частью потока. «Павел — закрытый пазл, который так интересно собирать», — говорили девчонки, томно закатывая глаза и пытаясь добиться его внимания. Их притягивал этот уверенный холод необъятного ума, под которым они надеялись отыскать настоящую страсть, направленную на них.

Но внутренняя яма не уменьшалась. Она была необъяснимой и древней, как сама земля. Каждый шаг Павла напоминал крик в пустоту: «Посмотрите на меня! Я есть! Я чего-то стою! Увидьте меня!». Он каждый раз задавливал этот импульс логикой, но подсознание бунтовало, возвращая подавленные страхи через кошмары во снах и панические атаки. Свою тревогу он списывал на вечный стресс мегаполиса, который вынуждает бежать быстрее, пока заветный приз не отобрали на повороте те, кто похитрее.

Он экспериментировал с различными суррогатами, начиная с успокоительных и заканчивая новомодными среди топов биодобавками с микродозингом мухомора или других растительных препаратов. А пару лет назад даже приглашали в компанию специалиста по гвоздестоянию — модное течение для тех, кто хотел взломать код собственной психики и ограничений в голове. Ледяная ванна в стиле тизки-владельца известной социальной сети, «подвешивание» для выхода в измененное состояние сознания через телесные нагрузки. Биохакинг в действии и только для лучших. И он держал ритм, не отпуская вожжи контроля.

Вместе с сокурсниками на последнем курсе МФТИ Павел разработал приложение для банковских сервисов. Ночами они одержимо писали код в душной комнате общежития, а днем,

не успевая нормально переодеться, растрепанные, прямо в домашних тапочках и растянутых спортивных штанах лихорадочно бежали на лекции в соседний корпус.

Быстро нашли первые инвестиции для тестовой версии, благо помогли родители и знакомые друзей. Уверенность и обаяние Павла стали визитной карточкой на переговорах с крупными корпорациями. Проект уверенно взлетел. Команда росла, и постепенно ребята из арендуемых у университета в Долгопрудном комнат переехали сначала в красивый бизнес-центр, но на МКАДе, а через пять лет — в Сити, где как раз освободилось пространство в половину этажа, которое и занял офис компании. Всё по-взрослому: с разработкой, службой поддержки, тестировщиками и продактами, и даже со своей службой заботы, где администратор Таисия аккуратно оформляла стол с фруктами и здоровыми перекусами, готовила чай на травах для особых приверженцев ЗОЖ. Символ успеха, процветания и стабильности.

Банковские услуги хотелось сделать доступными для каждого гаджета, здесь требовались молодость и напор. У Павла этого было с лихвой. Он остался лицом компании, объединив должности акционера и генерального директора. Умел жестко продавать на встречах с акулами бизнеса и вовремя мотивировать команду. И даже «торговал лицом» на ведущих карьерных сайтах, чтобы показывать на своем примере историю успеха для юных, жаждущих денег и признания талантов в IT. В офис пару раз приезжали видеографы из HeadHunter, чтобы снять модную клиповую историю для молодежи в качестве ориентира на рынке труда.

Но вместе с успехом пришли большие соблазны и риски. В современной России правила игры на финтех-рынке были суровыми. Независимых одиночек больше не существовало. Все перспективные b2c-сервисы, едва они начинали угрожать монополиям, безжалостно выкупались за бесценнок или поглощались гигантами уровня федеральных топ-банков и IT-корпораций. Проект Павла, замкнувший на себе миллионы транзакций в обход традиционной банковской системы, стал опасным прецедентом. Это была слишком лакомая технологическая «земля», которую крупные экосистемы мечтали забрать под себя. Но если банки действовали через официальные оферты, то существовали венчурные фонды во главе с такими персонажами, как Евгений Жестов, который выступал в роли хищника. Он зачищал рынок по заказу крупных игроков, не гнушаясь нечестных схем. От этого Павлу становилось дурно — ведь внутри он так и остался интеллигентным омским парнем.

Усиление стресса заявляло о себе физически. Павел чувствовал, как сжимаются стены, но понимал: ответственность за компанию, за людей и за подобные рейдерские перехваты лежит только на нем. Дорогой биохакнинг и предлагаемые капельницы от гуру, а также модные медитации в подписке на Spotify уже не помогали. Бессонница нарастала вместе с внутренним давлением, которое давало кратковременную разрядку лишь во время ночного бега по набережной вдоль Москвы-реки. Только там, на чистом асфальте, можно было разогнаться по полной, попытаться убежать от дурных мыслей и дойти до предела — желанного пульса в сто восемьдесят ударов в минуту. Тревога, точно темный палач в плаще, настигающий в самые неподходящие моменты, уже пробивала железную защиту Павла. Броню, которую он выстраивал годами. Упорство, стойкость, холодное спокойствие. Вера в то, что всё можно сделать самому, просчитать, подчинить воле и исправить. Стоит только захотеть. Других преград в его картине мира существовать не могло.

Внезапно климат-контроль Сити сменил режим. Монотонный металлический свист из вентиляционной решетки потяжелел. Он вибрировал в барабанных перепонках, разрастаясь, превращаясь во что-то гнетущее. Это был не воздух. Со всех сторон множился рев — дикий, первобытный грохот падающей и бьющейся о камни колоссальной массы воды.

Павел схватился за край стеклянного стола, нарушив ровную линию смартфонов. Стены офиса качнулись. Легкие сковал мгновенный, удушающий спазм. Воздух показался сухим, обжигающим, полным невидимого пепла и дыма. Горло пересохло, словно он наглотался ила. Процессор внутри его головы завис, разбитый первобытным страхом смерти. Павел поднял

глаза на панорамное стекло и замер. Сквозь собственное бледное отражение, прямо из темноты за окном, на него смотрело другое лицо.

Евгений Жестов.

Инвестор вошел без стука, бесперемонно ворвавшись в холодное пространство комнаты. Сорокалетний, невысокий, с вечно растрепанными волосами и помятым лицом со следами двухдневной щетины, он выглядел как лихой разбойник с большой дороги или бандит из глухих 90-х, которого чудом занесло в мир больших IT-денег.

Дорогие брендовые вещи сидели на нем расхлябанно, как чужая форма — всё дело было в небольшом животе, неловко выпирающем из рубашки. Тренажерный зал с целым микромиром белковых коктейлей и тяжелого оборудования — дело для сопляков, как казалось ему, что-то чужеродное из другой жизни. В его облике не было интеллигентности — только хватка гиены или волка, принципы улицы и разбоя. Взгляд вечно метался, пытаясь урвать свой желанный куш.

Евгений подсознательно чувствовал свою «инаковость» рядом с чистенькими отличниками. Он сам не отличался оценками в школе или гениальными идеями, как у этих физтеховских или МГУ-шных звезд, и эта уязвимость рождала в нем дикую, разрушительную зависть. Зато он умел нападать, не гнушаясь ничем. Жажда контроля и власти уже сожрала его душу, оставив внутри исчезающую пустыню. Он вальяжно подошел к столу, взял стакан Павла, шумно отхлебнул дистиллированной воды и с глухим стуком швырнул его обратно, окончательно уничтожая симметрию на поверхности.

— Ну что, Паша, доцифровался на сегодня? Всё графики свои рисуешь? — Жестов хищно ухмыльнулся, и между ними мгновенно натянулась невидимая струна леденящего напряжения. Стартап Павла был бельмом на глазу для рынка, но для Евгения — в особенности. Понимая огромные перспективы проекта, он не собирался упускать жирную рыбу. И это не было просто бизнесом — это была война двух зубров, битва за территорию, где один пытался подчинить и стереть другого. — Я уже инициировал созыв экстренного совета директоров, Паша, и заберу твою FinTech-игрушку под протокол. Сдайся добровольно, подпиши отказ от алгоритма и получишь свои деньги, на Бали тебе точно хватит. Или я сотру твое имя в порошок. Твоя репутация сгорит. Из этой башни ты вылетишь голым, тебя никто не вспомнит.

Евгений сделал шаг вперед, его тень накрыла Павла. В ухмылке сквозила спесь завоевателя, упивающегося властью над чужой жизнью. Грохот воды в ушах Павла достиг апогея, заглушая голос инвестора. Отражение в стекле треснуло, реальность Сити растворилась...

* * *

Долина Колорадо. 1850

Грохот водопада обрушился со всей своей сокрушительной мощью. Каждая капля уносила за собой будто маленькие частицы душ, объединяя их в едином, кипящем потоке и брызгах. Сама жизнь пронеслась через этот водопад, транслируя бесконечный цикл растворения и движения, силы и податливости, жизни и смерти.

Юноша, которого в племени звали Халъя — Луна, — стоял на самом краю раскаленного, багрово-красного скалистого выступа. Под босыми ногами земля была теплой, шершавой от запекшейся глины и абсолютно живой. Она дышала и давала силу, несмотря на кажущуюся сухость.

Верный пес увязался за ним и теперь преданно тыкался мокрым носом в колени, ожидая, когда мальчик погладит его и они пойдут дальше. Четвероногий спутник любил эти вылазки, исследуя новые пространства. Хотя каньон принадлежал всему племени, в таких прогулках вдвоем они чувствовали особенную связь — будто хранители, знающие глубокую общую тайну. Ахану был с ним с раннего детства, став подарком отца. Пес участвовал во всех играх, познавая дикую красоту родной земли. Вместе они бегали с мальчишками во время имитации охоты, искали потерянные стрелы и яростно гнались за «похитителями» в прятках. Высунув

язык, Ахану резко дышал. На розовой коже его языка отчетливо виднелись два черных пятна — отметки прошлой жизни, как считали старейшины.

Халтя расправил широкие плечи и сделал глубокий вдох. Для своих шестнадцати зим он был необычайно высок. Молодое тело, выросшее среди прерий и каньонов, дышало скоростью и той дикой, молчаливой гордостью, что передавалась из поколения в поколение. Силой и реакцией юноша напоминал отца, известного в долине охотника, а вот чувствительность и остроту восприятия унаследовал от матери. Он любил эту землю так, как любят саму жизнь. По совету матери он часто растирал в ладонях жесткие стебли трехзубчатой полыни, вдыхая горький, исцеляющий аромат, способный убивать демонов и прогонять дурные мысли. И как истинный охотник по растертой почве в руках мог определить, как давно прошел зверь и какой именно. Пудра или мелкие комочки, сухость или жирность земли — всё это складывалось мельчайшими деталями в знание того, что есть и что будет. Красивый, понятный узор, помогающий выживать охотнику и всему племени.

Луна помнил каждую алую трещину в каньонах. Мальчишками они часами прятались там, наблюдая за охотой взрослых, а затем устраивали собственные шумные игры. Сверстники часто выбирали его вожаком в «хуп-энд-поул» — особой забаве, где нужно было на бегу пронзить копьем катящийся по песку обруч из ивовых прутьев. Это требовало идеальной точности движений и ловкости. Научился бесстрастным движениям, точно составленным в общую картину, он далеко не сразу — много времени ушло на ошибки и падения, которые оборачивались взрывным смехом соплеменников, бывшим естественным этапом взросления и освоения важных навыков.

Особым, сакральным местом была Аха Макав — великая река Колорадо, служившая индейцам продолжением дома. Бурные, пенные валы неслись со скоростью пущенной стрелы, перемалывая вековые валуны. Халтя знал каждый изгиб и коварное течение. В потаенных заводах, среди илистых наносов, дети мохаве иногда находили удивительные тяжелые камни. После долгого оттирания от речной грязи они начинали гореть чистым золотым отблеском. Племя считало их священным даром, каплями застывшего солнца, опускающимися на землю как благословение для избранных. Индейцы бережно хранили их в кожаных мешочках, не подозревая, что для белого человека этот металл был главным и самым страшным проклятием.

Но сегодня великая река мелела, обнажая темное, илистое дно. Надвигалась засуха, о которой вожди сначала шептались на тайных советах, а теперь тревожно говорило всё племя. Великая Аха Макав умирала не от местного зноя. Её жизнь рождалась за тысячи стрел отсюда — в далеких северных Скалистых горах, где таяли ледники. Но эта зима на севере выдалась сухой и бесплодной, горы не отдали реке свой снег. Такие великие засухи приходили в долину циклично, раз в несколько зим, словно земля требовала суровой жертвы, проверяя людей на прочность. Вода уходила, обнажая влажную глину, а оставшиеся мелкие заводы быстро застывали под безжалостным солнцем, становясь горькими и солоноватыми на вкус. Без бурного весеннего паводка, который обычно затапливал долину и питал почву, племя оставалось без урожая маиса и стручков мескита. Река, бывшая их кровью, превращалась в соленое болото.

Лагерь мохаве перестраивал свою жизнь на суровый лад выживания. Мужчины больше не очищали каналы для орошения полей — в этом не было смысла. Женщины клана Воды теперь часами сидели под навесами из камыша, методично, с глухим стуком перемалывая в тяжелых каменных ступах сухие стручки мескитового дерева. Этот выносливый колючий кустарник, способный доставать воду из самых темных глубин земли, оставался их единственной защитой от голодной смерти. Из сладковатой мескитовой муки пекли жесткие лепешки, которые делили поровну на каждого ребенка. В ход шли последние, иссушенные запасы: вяленые на солнце мясистые плоды кактусов, запеченные прямо в горячей золе волокнистые корни дикой агавы и жесткие, солоноватые полоски вяленого мяса пустынных зайцев, добытых в силки на окраинах стоянки. Скучная пища пустыни заглушала голод, но она не могла вернуть реку. По

ночам шаманы проводили ритуалы плача, пытаясь отыскать во снах причину гнева духов и вымолить спасение дождем, но небо над каньоном оставалось безжизненным и ясным. Мир мохаве сжимался, заставляя людей готовиться к исходу вглубь скал, к потайным каменным резервуарам, если Колорадо уйдет окончательно.

Внизу, у засыпающей кромки воды, люди сошлись в последней, отчаянной мольбе, вызывая к духам дождя и хозяевам подземных вен Аха Макав. Халтя смотрел на столбы сизого дыма от священного шалфея, на изможденные лица соплеменников и на мать, двигавшуюся в тягучем, гипнотическом танце посреди круга. Вместе с ритмичным звуком барабанов воздух каньона наполнял сухой, звенящий шелест ритуальных погремушек из сушеных тыкв, набитых речной галькой. Этот сакральный, вибрирующий гул отдавался в его собственных жилах. Мохаве читали этот рушащийся мир кожей. И сегодня Вселенная посылала им дурные вести, и дело было далеко не в уходящей воде. Отец в последнее время замыкался в себе, подолгу всматриваясь в горизонт. В его молчании сквозило тяжелое предчувствие скорой гибели — то ли его собственной, то ли всего рода.

Младшие дети и подростки не замечали гнетущей атмосферы. Они делали вид, будто не обращают внимания на поднимающиеся страхи вождей. Для них реальность строилась на незыблемой стабильности привычного природного цикла. Юношеское любопытство и жажда жизни создавали невидимую защиту от завтрашнего дня, барьер для любых тревог и метаний. Что могло случиться, когда впереди еще столько неизведанного? Нужно было объезжать диких лошадей, учиться настоящей охоте наравне со взрослыми. Каждому мальчику и девочке предстояло примерить на себя важные племенные роли, которые пока казались призрачно далекими, но манили своей тайной.

Воздух был удушающе жарким и густым, и свежести желанной грозы в нем не ощущалось. Пахло гарью и мертвой, выжженной травой. Птицы пустыни кружили над каньоном слишком низко, почти касаясь крыльями водной глади, словно искали спасения от невидимой угрозы. Халтя опустил взгляд на длинные ладони: на них оседал тонкий, едва заметный белый налет — не пепел костра, а сухая пыль, которую принес сменившийся ветер с востока.

В груди юноши, прямо под сердцем, шевельнулось что-то странное. Ему, смелому охотнику, вдруг стало трудно дышать. Накатил незнакомый, липкий страх перед будущим. Словно священный круг их привычной жизни прямо сейчас дал едва слышный треск. Знаки кричали: их мир катится к закату.

Внезапно Халтя вскинул голову. Острое зрение поймало движение на самом краю преири. Там, где выжженная земля встречалась со свинцовым небом, поднимался серый, тяжелый столб пыли. Сквозь рев Колорадо пробился новый, чужеродный металлический звук — ритмичный стук сотен окованных железом копыт. К священной реке спускался отряд бледнолицых. Они шли ровной, бездушной стеной.

Причиной их появления была Калифорнийская золотая лихорадка, согнавшая с мест тысячи искателей наживы. Разведчики и трапперы уже донесли в Вашингтон, что в долине мохаве речные наносы полны драгоценного металла. Правительство и крупные венчурные синдикаты Восточного побережья спонсировали этот вооруженный налет, стремясь проложить безопасные тракты для караванов сквозь каньоны и заложить первые золотоносные шахты. Индейцы были для них лишь досадным препятствием на пути к подземным богатствам.

Всё началось с территории Верхней Калифорнии, предгорий Сьерра-Невады и долины реки Американ, откуда коренных жителей — индейцев племени нисенан — фактически изгнали силой. Именно на этих землях, в долине, которую они называли Cullumah, в трагический январь 1848 года на лесопилке Джона Саттера в Коломе обнаружили первое золото. С тех пор договариваться с коренными народами никто не пытался — в этом не видели смысла. Лучшим аргументом оставалась пуля, особенно если ты веришь, что обладаешь исключительным правом распоряжаться чужой территорией и её благами лучше, чем «немытые существа,

верящие в духов». Первый губернатор Калифорнии Питер Бернетт в открытую заявлял, что «война на истребление будет вестись до тех пор, пока индейская раса не вымрет». Правительство штата выделяло миллионы долларов на финансирование добровольческих отрядов, совершавших эти карательные рейды.

Впереди каравана, на крупном, покрытом мыльной пеной вороном коне, ехал мужчина. На нем был синий военный мундир, туго застегнутый до самого горла, но воротник был небрежно расстегнут, а из-под форменной шляпы выбивались растрепанные, грязные волосы. Офицер остановил коня на возвышении и поднял подзорную трубу. Железо на его португези хищно звякнуло — будто в ожидании будущей награды и премий от властей штата. Его жестокость не знала границ. Он не гнушался ничем: ни снятием скальпов, ни хладнокровным уничтожением женщин и детей, мешавших его жизненной перспективе. Перспективе, смысл которой обретался лишь на дне стакана да в бряцании монет.

Неизвестное, страшное будущее, которого так боялся Луна, только что переступило границы их долины. И сейчас, в год прихода синих мундиров, обмеление казалось индейцам самым страшным знамением.

Грохот великой реки Колорадо остался позади, но его вибрация по-прежнему отзывалась в подошвах мокасин Халъи. Юноша вернулся к стоянке племени, когда солнце уже лениво тонуло за острыми багровыми пиками каньона, окрашивая небо в цвет спелой тыквы. У семейного навеса из камыша догорали угли. Халъя присел на раскаленную за день землю, вытащил из кожаного мешочка на поясе несколько тяжелых, гладких крупниц, которые он днем нашел в сухом русле верхнего ущелья, и принялся задумчиво пересыпать их из ладони в ладонь.

Белые люди, которые всё чаще появлялись на дальних границах их земель, называли этот металл золотом и сходили по нему с ума, оскверняя ручьи и убивая друг друга. Для мохаве же эти крупницы были всего лишь «каплями солнца» — красивыми, но бесполезными слезами земли. Золото не могло утолить жажду в знойный полдень, не могло вырастить маис и не защищало от стрел враждебных кочевников. Истинным, сакральным сокровищем племени всегда была сама Река и та первозданная, дикая свобода, которую давали им эти каньоны под бесконечным небом. Халъя смотрел, как желтые искры металла отражают свет угасающего костра, подсознательно чувствуя: ценность имеет только то, что делает твой дух сильным и независимым. Тяжелые камни — лишь красивые игрушки на мелководье, ради которых люди чужаков добровольно заковывают себя в невидимые цепи жадности. Он вернул крупницы в мешок, не испытывая к ним ни трепета, ни страсти. Воин реки Аха Макав был свободен от их магии.

Из темноты навеса к огню бесшумно вышел его отец, Ахоте. Тяжелая тень вождя легла на раскаленный песок. Он присел напротив сына, скрестив сильные, покрытые шрамами руки на груди. Его суровое лицо, высеченное из гранита скал, в сполохах угасающего костра казалось частью самой пустыни. Ахоте долго молча смотрел на кожаный кисет на поясе Халъи, а затем перевел тяжелый, волчий взгляд на темнеющий горизонт, туда, где за каньонами рождалась штормовая ночь.

— Бледнолицые идут вслед за этими каплями, сын, — тихо, но гортанно произнес Ахоте, и его голос прозвучал как глухой рокот надвигающегося оползня. — Их шаги тяжелы, потому что их карманы полны желтых камней. Они думают, что смогут купить землю, но земля не принадлежит никому, кроме духов. Чужаки заперты в невидимой матрице своей жадности. Они воют за металл, который не утолит их жажду, когда река уйдет. Помни, кто ты есть. Наша сила — не в том, чем мы владеем. Наша сила в том, от чего мы способны отказаться ради свободы своего духа. Не позволяй блеску искушения ослепить твое сердце.

Халъя молча кивнул, чувствуя, как слова отца гранитной плитой ложатся на дно его сознания. Они не искали богатства. Они искали право просто быть на этой земле. Юноша лег на циновку из камыша, укрывшись шкурой, и закрыл глаза под бесконечным куполом звездного неба. Стук его сердца, быющий в унисон с глухим, подземным рокотом Колорадо, уносил

его в тяжелый, пророческий сон, пока над каньонами затягивалась первая, невидимая петля времени.

Глава 2

Москва, настоящее время

В видовом ресторане на восемьдесят пятом этаже башни «Око» фоном звучала музыка, что-то из джазового лаунжа, пахло трюфельным маслом, кондиционированным холодом и дорогим кальяном. Из вентиляционных решеток струился тяжелый, сладковатый дым с нотами мускуса. Тягучее ощущение роскоши и превосходства над городом. Как мрачный коршун, раскрывший свои крылья и нависший над мелкими делами и проблемами жителей, оценивая всех вокруг своим зорким взглядом.

Здесь на всё смотрели сверху, сразу понимая, кто свой, а кто нет. Случайно залетевшие туристы или временные посетители ресторана выбирали его за дорожный бизнес-ланч не просто так. Перед ними открывалась возможность посмотреть на бескрайние виды и хотя бы раз в жизни мимикрировать с желаемой действительностью, прикоснуться к неведомому миру роскоши по-русски. Они часто озирались по сторонам, будто пытаясь слиться с реальностью, но не замечали, как ярко выделяются своей суетливостью и контрастом.

Те, кто здесь свои и всегда ими были, действуют по-другому. Без спешки и резких движений, спокойно накладывая себе еду и оценивая новинки в меню, которых не было еще на прошлой неделе. Зная каждую страницу наизусть и изысканные шедевры поваров, они превращали искусство пребывания в этом месте в привычный ритуал сродни почистить зубы. Этим и отличаются от тех, кто тщательно пытается соответствовать месту, но безуспешно.

Владельцы компаний и топы из ближайших офисов башен частенько выбирали ресторан на обеденный перерыв, а также во время нелегких переговоров на вечер. На этот раз Павел вместе со своей правой рукой, главным юристом и по совместительству любимой женщиной Анной Громовой пытался нащупать нити компромисса в споре с венчурным фондом. Евгений, как ключевой представитель фонда, сидел напротив. Никакого цивилизованного спора здесь больше не было. Разворачивалась прямая лобовая атака на поражение — циничный шантаж, не прикрытый даже базовым приличием элитного столичного места на трехсотметровой высоте.

Фигура Анны, затянутая в узкую юбку-футляр, дышала юностью и красотой, едва проглядывавшей сквозь белую шелковую блузку. Карие глаза, темное каре и смуглая кожа подчеркивали её редкую внешность — то ли татарские гены, то ли образ итальянской дивы из другого века. За магической плавностью движений таился абсолютный контроль. Она всегда знала, как раскроется человек рядом с ней. Юридическая академия выращивала специалистов с железной хваткой, но Анна вобрала в себя лучшие качества профессионала наряду с природным магнетизмом. Мужчины ложились к её ногам с первого взгляда, податливо подчиняясь желаниям. Шаг за шагом она строила карьеру, параллельно разбивая чужие сердца.

Она контролировала свою тарелку так же жестко, как и статьи защиты репутации компании. Въедливость и внимание к деталям вкупе со стремлением достигать баланса и гармонии во всех элементах своей жизни — это повлияло и на отношение к еде. Знание предпочтений своего тела вплоть до мельчайших аллергических реакций или тяжести для организма привело к тщательному пересмотру при выборе продуктов питания. Время, посвященное изучению нутрициологии и пищевым привычкам, выдрессировало её внимание на выбор гармоничного сочетания и верно составленного рациона. Шлаковые добавки с большим сочетанием сахара или сильных аллергенов, которые обычно любили добавлять в ресторанах, сразу подвергались контролю и отсеивались еще на этапе просмотра состава блюда в меню.

Ее внешность смуглой иноземной красавицы контрастировала со стерильным интерьером Сити и бледными лицами всех остальных, еще не успевшими загореть или ворваться в новую моду автозагара. Официант стоял перед ней, внимательно записывая требования.

— Салат без лука. Заправку на основе оливкового масла подать отдельно, — спокойно, но непреклонно чеканила Анна. — И горячее для Павла: запеченная форель, но строго без ореховой подливки. Уберите любые специи.

Это не было прихотью. Для Анны тотальный контроль над питанием близких был таким же естественным защитным барьером, выстроенным еще в детстве, когда в бедной семье ей приходилось одновременно и готовить еду, пока родители были на работе, и доедать то, что осталось после младших братьев. Она внимательно следила за тем, что ест Павел, охраняя их упорядоченный мир с налетом здорового образа жизни. Павел, измотанный бессонницей, лишь безмолвно кивнул. Он полностью доверял её утонченному вкусу.

Анна пришла в команду на пике популярности стартапа год назад, когда фирма столкнулась с жестким разделом финансового рынка. На эту щепетильную позицию её взял Павел по рекомендации, ведь здесь цена ошибки увеличивалась втрое. Первое время они приглядывались друг к другу. У Анны был статусный ухажер, который караулил её у Сити на черном авто с мигалками. Павел, не отличавшийся ветреностью, строго следил, чтобы женщины не отвлекали его от дел. Но Анна ворвалась в его реальность так гармонично, будто была там всегда. За внешней холодностью и уверенностью таился шлейф нежности. Они быстро перешли от обсуждения юридических нюансов к романтическим свиданиям, а затем — к ночам, лишенным шаблонов и стеснения. Пазл сложился в одно касание. Тела, понимающие и откликающиеся на любое движение, раскрывали невидимую чувственность обоих, которая неловко скрывалась во внешнем мире. Когда они были за закрытыми дверями, её можно было уже не сдерживать и максимально открываться друг другу без запретов и правил. Прежний навязчивый поклонник получил жесткий, хладнокровный отказ, а любимое технологическое детище Павла окончательно соединилось в его сознании с единственной женщиной, которой он безоговорочно доверял. Это казалось идеальным, почти неземным союзом двух суверенных сил — редкое комбо, о котором любой основатель бизнеса мог только мечтать.

На другой стороне стола Евгений сидел, развалившись в кресле. Его дорогой брендовый пиджак был расстегнут, галстук сбит в сторону. Вокруг него крутились официанты, накладывающие еду и подливающие напитки, но Евгений их сознательно не замечал. Для него эта категория людей всегда соотносилась с людьми второго сорта. Сейчас его внимание полностью занимала еда.

Это зрелище вызывало у Анны глубинное отторжение. Евгений поглощал пищу жадно, неряшливо, будто гастарбайтер ворвался в место, где он не должен находиться. Кровяной сок от стейка капал на его сорочку, но инвестора это не волновало. Он хватал куски мяса, почти не прожевывая, запивал их вином и бесцеремонно комкал тканевую салфетку. В каждом его движении проступали грубые жесты криминальной глубинки, откуда он выбрался в мир больших IT-денег.

— Ну что, Анечка, проверила мои документы? — Евгений хищно ухмыльнулся, прожевывая мясо. — Скоро ваш FinTech перейдет ко мне. И Паша подпишет отказ от прав на алгоритм как миленький.

Циничная фамильярность всегда была излюбленным приемом людей его породы. Через эти уменьшительно-ласкательные формулировки они подсознательно обесценивали и принижали оппонентов, транслируя скрытый, токсичный месседж: «Да, я вижу тебя, но ты для меня настолько мал, что раздавить тебя не стоит никаких усилий». У Жестова этот психологический садизм часто сопровождался бесцеремонными физическими жестами — фамильярным похлопыванием по колену или плечу, ломающим любые личные границы. В мире этого жадного хищника всё окружающее пространство воспринималось как его личная законная территория, предел которой мог быть установлен только жестким окриком сверху. Лишь на совещаниях с высшими властными и силовыми структурами Жестову приходилось держать марку и занимать диаметрально противоположную, угодливую позицию. Все эти маски были частью

сюрреалистичного, грязного аттракциона, на котором ему приходилось крутиться всю жизнь, чтобы удержать свое заветное место под солнцем, раз за разом заключая сделку с дьяволом и отдавая взамен остатки собственной свободы.

Анна отложила приборы. Её голос оставался ледяным, но сквозь него проскакивали тревожные нотки:

— Твои соглашения — это грабеж, Евгений. Ты предлагаешь выкупить долю Павла за бесценок, используя сфабрикованные данные. Аудит, который ты провел через свои структуры, чистая липа.

— Липа не липа, а для прокуратуры хватит, — Евгений вальяжно откинулся на спинку кресла и выпустил струю дыма. — Давай разложим карты, раз ты у нас главный юрист. Твоя FinTech-платформа использует сквозное шифрование и проводит трансграничные платежи. Архитектуру кода писал Паша. Но три месяца назад, когда вам не хватало ликвидности, вы прогнали транзакции через офшорный банк-корреспондент на Кипре. А этот банк, как выяснилось, принадлежит структурам под санкциями.

Павел резко поднял голову, его голубые глаза потемнели. Евгений ухмыльнулся, довольный эффектом.

— Паша думал, что спрятал концы в коде. Но мои айтишники вскрыли этот узел. Юридически это чистая статья — незаконные валютные операции и пособничество в обходе международных ограничений. У меня на руках полные логи этих проводок с электронной подписью Павла. Если через два дня, ровно в девять утра, вашей подписи не будет на договоре о полной передаче прав моему фонду, эти папки мгновенно уйдут в Следственный комитет.

Евгений наклонился вперед, обдав их запахом алкоголя и кальяна. Его взгляд впился в Павла.

— Ты сядешь минимум на восемь лет, Паша. Но главное даже не тюрьма. Как только СК возбудит дело, я запущу такую волну в прессе, что твое имя станет синонимом токсичности. Твоя репутация сгорит за час. Крупные банки разорвут с тобой все контракты, инвесторы отвернутся. Финансовый мир сотрет тебя, Паша. Твое имя занесут во все черные списки, и ты больше никогда в жизни не сможешь открыть даже самый мелкий IT-стартап. Тебя просто не будет существовать в индустрии. Ты вылетишь отсюда пустым местом.

Павел мгновенно впал в жесткое, парализующее оцепенение. Внешне он казался абсолютно неподвижным истуканом — его бледное, породистое лицо превратилось в фарфоровую маску, а длинные пальцы намертво, до белых костяшек прикипели к стеклянному краю стола. Но внутри него в эту секунду разверзлась лавина чудовищной дереализации. Пространство ресторана смазлось, джазовый лаунж превратился в глухой, невыносимый ультразвук свист, а лица Жестова и Анны начали стремительно отдаляться, словно их рассматривали через перевернутую линзу бинокля.

В его перегретом сознании со сумасшедшей скоростью завертелся рваный, калейдоскопический каскад картинок: серые коридоры следственного изолятора, лязг железных засовов, конвой и мерцающие зеленые строчки кода, которые кто-то безжалостно стирает с серверов одну за другой. Его идеальный мозг-компьютер, всегда гордившийся способностью моментально обработать любую проблему, просто «завис», выдав фатальную системную ошибку обработки.

На самом дне этого ступора закипал первобытный комок дикой ярости. Павлу хотелось вскочить, перевернуть этот чертов стол и пальцами разорвать холеную глотку Жестова. Но его физтеховское воспитание и привычка ставить интеллект выше эмоций сработали как бронированный предохранитель. Он яростно, до удушья задавил этот импульс внутри, подчинив его грубому контролю своей ментальной машины. Он сидел неподвижно с вилок и ножом в руках, не в силах произнести ни слова, пока поезд его реальности стремительно шел на откос, не сбавляя скорости.

Пока Евгений упивался триумфом, в голове Анны с бешеной скоростью разворачивалась панорама неизбежной катастрофы. Как юрист с железной хваткой, она видела этот сюжет не раз. Классическое «дружественное поглощение», плавно переходящее в рейдерский захват через силовой и административный ресурс. Крупные игроки IT-рынка и банковские гиганты редко пачкали руки сами — для этого они использовали таких беспринципных стервятников, как Евгений.

Анна вспомнила громкий судебный прецедент двухлетней давности. Тогда у независимых разработчиков уникального платежного шлюза точно так же «нашли» техническую ошибку в проводках, а затем через угрозы реальных сроков заставили продать бизнес за один рубль крупной экосистеме. Создателей тогда просто стерли: один исчез на задворках чужой страны, второй до сих пор ходил по допросам. Евгений действовал по той же методичке. Он не собирался судиться — он создавал вокруг Павла правовой вакуум, перекрывая финансовый кислород. Защиты не было. Система всегда вставала на сторону тяжелых денег.

От этого осознания у Анны внутри что-то оборвалось. Иррациональный, леденящий ужас сковал дыхание. Из глубин памяти прорвался странный обрывок — в ушах на долю секунды зазвенел оглушительный, пронзительный женский крик, заглушая гул ресторана. Ей показалось, что воздух вокруг стал обжигающим и сухим, полным дыма.

Она не успела обдумать этот импульс. Подчиняясь животному инстинкту защиты, Анна резко поднялась, со звоном опрокинув вилку, отодвигая стул, и физически шагнула вперед, оставив Павла за своей спиной. Она встала между ним и хищным взглядом Евгения, широко расправив руки, словно закрывала от удара. Её смуглые пальцы впились в край стола до белых костяшек.

Внезапный, звенящий стук упавшей на мраморный пол вилки заставил случайных посетителей за соседними столиками прервать свои разговоры. Заметив позу Анны, люди жадно потянулись к смартфонам, наводя камеры в ожидании сочного столичного скандала. Официанты в оцепенении замерли у сервировочных тумб, внутренне готовясь к очередной безобразной сцене. Подобную изнанку красивой жизни на высоте им приходилось наблюдать регулярно, особенно ближе к полуночи: истерики, пощечины, крики и бьющиеся бокалы коллекционного вина были здесь привычным фоном, цену за который администрация потом просто хладнокровно включала в финальный счет клиента. Но прямо сейчас в воздухе пахло не бытовой ссорой, а тектоническим разломом двух миров.

Евгений замер с бокалом у рта. Он посмотрел на её позу — она стояла перед Павлом, широко расправив руки, как живая стена, готовая принять удар вместо него. В этом жесте не было расчета, не было корысти. Только чистая, животная преданность, которую Жестов не встречал ни разу в жизни.

И это бесило его больше, чем любое юридическое поражение.

Он мог купить любую женщину. Мог засыпать её бриллиантами, квартирами, машинами. Мог заставить её улыбаться ему, пока она считает его деньги. Но он никогда не сможет купить этот взгляд, которым она сейчас смотрит на Павла. Этот страх за него, эту готовность умереть за него.

В груди Жестова что-то болезненно сжалось. Зависть и ненависть сплелись в тугую, ледяную ком. Он завидовал Павлу не деньгам, не бизнесу, не таланту. Он завидовал тому, что у него есть это. Кто-то, кто будет стоять между ним и воображаемой пулей.

И одновременно его охватило первобытное восхищение и страх перед этой женщиной. Он читал людей как открытые книги, он знал, когда они блефуют, когда продаются, когда боятся. Но в ней не было ни одного из этих сигналов. Она была готова разорвать его голыми руками, и это не была игра.

Впервые за долгие годы Жестов почувствовал себя уязвимым.

Пространство ресторана исказилось на долю секунды, и время дало сбой...

Жестов первым отвел взгляд. Он судорожно спрятал задымившийся IQOS в карман пиджака и хмуро, без привычной издевки швырнул на стол две смятые пятитысячные купюры, даже не собираясь ждать финальный счет. Он ушел не оборачиваясь, стремительно растворяясь в полумраке зала.

Только тогда оцепенение Павла наконец спало. В ушах всё еще звенел тот самый невыносимый ультразвук, но тело снова подчинялось воле. Он медленно поднялся, мягко, но уверенно взял Анну за холодные, подрагивающие запястья и осторожно опустил её руки, уводя из боевой стойки. Они не произнесли ни звука. Надвигалась буря, и у них практически не оставалось времени.

* * *

Долина Колорадо. 1850

Зной стоял плотно, как тяжелый каменный пласт.

Американский отряд разбил лагерь у самого подножия красных скал, заняв единственную стратегическую точку — каменистый уступ прямо у источника, который питал всю стоянку мохаве. Синие мундиры действовали быстро, с бездушным армейским характером. Солдат было много — регулярная рота в сто сорок сабель. Они выставили заграждения, наспех вбили в сухую землю тяжелые деревянные колы и привязали коней. Больше полутора сотен кавалерийских лошадей и выючных мулов мгновенно заполнили каньон фырканием, топотом и запахом пота. Животные яростно поглощали скудную прибрежную траву, копыта втаптывали в грязь чистую воду. Но главным ударом стало то, что по приказу командира солдаты уже начали открыто готовиться к блокаде: они сгружали у русла тяжелые мешки с песком и стаскивали к воде поваленные бревна. Офицер наглядно демонстрировал, что готов в любой момент полностью перекрыть русло, лишив племя жизненно важного ресурса, если вожди откажутся подписать бумагу.

Весь лагерь мохаве замер в немой, сковывающей неподвижности, наблюдая за действиями чужаков сквозь камышовые навесы вигвамов. Привычный ритм их жизни рушился. Тревога стихии мгновенно передалась животным: привязанные индейские пони испуганно хрипели, прядая ушами и вжимаясь в скалы от резкого запаха чужих армейских коней, а лагерные псы, поджав хвосты, глухо рычали, прячась за циновки у входов. Старейшины племени с багровыми от гнева лицами неподвижно сидели на коленях в пыли, а испуганные женщины тревожно переглядывались, уводя детей вглубь навесов и вглядываясь в очертания армейского лагеря с тяжелым предчувствием беды. Каньон постепенно превращался в раскаленный капкан.

Халтя наблюдал за ними сверху, сжимая в руке легкое охотничье копьё. Его гордость бунтовала против этой наглой, молчаливой осады. Когда один из рядовых грубо, наотмашь оттолкнул старейшину племени, пытавшегося набрать воды в глиняный кувшин, юноша не выдержал. Его разум, заклинивший от ярости, отключил страх. Он стремительно спустился вниз, к источнику.

Офицер заметил движение. Он стоял у самой кромки ручья. Синий суконный мундир покрывала серая дорожная пыль, а растрепанные ветром волосы падали на глаза. В его голове в этот момент не было ни капли величия — лишь тяжелое раздражение и вязкая, душная скука от пребывания в этой глуши.

«Чертовы дикари, — лениво думал он, сплевывая под ноги желтую табачную слюну. — Грязный скот, прыгающий вокруг костров. Какого дьявола правительство возится с ними, выписывая эти сраные бумаги о переселении?»

Офицер грезил совсем о другом. Его мысли крутились вокруг золотых приисков, карт и приграничных борделей Сент-Луиса. Он подсчитывал в уме, сколько центов за акр ему перепадет от крупных земельных синдикатов и горнодобывающих компаний, если он окончательно очистит этот каньон от краснокожих. В этих людях он видел лишь досадную помеху на пути

к своим деньгам и дешевому алкоголю. Плевать на их священную воду. Земля принадлежит тому, у кого в руках свинец и порох. Настоящий хозяин здесь он.

Его солдаты беспрекословно выполняли приказы, но Офицер знал: за спиной его ненавидят. В лицо ему угодливо улыбались, ловя каждое слово в надежде получить лишнюю порцию виски или легкую смену на часах, но за глаза сержанты называли его помятым псом и лихим ублюдком, готовым удавить за грош. Многие подчиненные не понимали его излишнюю жестокость. Им казалось, что командир просто пытается что-то доказать на публику, ведь реальной военной необходимости в казнях и пытках не было. Напрямую, конечно, никто не решался перечить его воле. Офицер чувствовал эту фальшь, и она лишь сильнее распаляла его злость. Ему хотелось ломать, крушить и подчинять.

Одним отрывистым движением Офицер сорвал с плеча тяжелый карабин и взвел затвор, направляя дуло прямо в грудь Халъи. Между ними оставалось не больше пяти шагов. Секунда — и свинец пробил бы легкие юноши. Офицер уже предвкушал, как этот наглый дикарь рухнет в пыль. Юноша мгновенно оцепенел, его пальцы крепко сжали древко копья, а внутри закипал комок ярости, зажатый в тиски контроля.

Но выстрел не прозвучал.

Из тени ближайшего вигвама вылетела женщина — стремительная и яростная, как пантера. Это была Ньяха — его мать. Её смуглое лицо было напряжено, а темные глаза горели первобытным, яростным огнем. Подчиняясь животному материнскому инстинкту, она на полной скорости врезалась в пространство между дулом карабина и своим сыном. Эту сокрушительную, пугающую сцену, затаив дыхание, наблюдали десятки соплеменников из лагеря и выстроившиеся в оцепление солдаты — вся переговорная площадка у плотины превратилась в звенящий, застывший театр.

Офицер невольно сделал полшага назад, окинув её быстрым, оценивающим взглядом. Перед ним стояла дикарка, но в её облике сквозила ослепительная, пугающая красота, чуждая европейским канонам. Чуть раскосые, глубокие карие глаза, смоляные жесткие волосы, перехваченные кожаным шнурком, и гордая осанка. Её простая одежда из мягкой оленьей кожи не скрывала сильных, литых ног и гибких рук. Ткань на груди была расшита костяными бусинами и речными раковинами, которые мерно вздымались в такт её рваному дыханию. От нее пахло маслянистым диким подсолнечником, прохладной свежестью речного песка и терпким смолистым креозотом. В этой женщине была пугающая порода и первозданная, дикая грация, сошедшая словно из другой, непостижимой эпохи. Офицер привык к покорности женщин в приграничных гарнизонах, но эта плоть дышала такой животной силой, что у него перехватило горло.

Ньяха встала вплотную к солдату, задвинув Халъю себе за спину. Она расправила руки, закрывая его своим телом, словно живая, непробиваемая стена. Её пальцы были судорожно сжаты, а тяжелое дыхание со свистом вырывалось из груди. В этой позе не было покорности или мольбы. Это был чистый, абсолютный вызов.

Цинизм и отсутствие рамок всегда была особенным приемом таких завоевателей. Офицер презрительно сощурился. В мире этого жадного хищника всё окружающее пространство воспринималось как его личная законная территория, предел которой определялся только силой свинца. Но сквозь похотливый, грязный импульс Офицера вдруг пронзил мимолетный, суеверный страх перед этой женщиной. Её преданность сыну была силой совсем другого, высшего порядка, стоящей за гранью жизни и смерти.

Глядя прямо в черное дуло оружия на глазах у всего замершего племени, Ньяха начала быстро, гортанно бормотать фразу за фразой на языке мохаве:

— Ипач камот аха макав... Ньяхамот коэн... (Человек не может владеть рекой... Воду нельзя убить...)

Она шептала древнее заклинание защиты, и её мысль была кристально чистой: «Ты можешь забрать мою жизнь, белый пес, но тебе никогда не получить его душу. Мы — эта река, а реку нельзя расстрелять из ружей».

Офицер замер. Дуло его карабина упиралось почти в грудь женщины. Он медленно опустил карабин, стремясь скрыть секундную слабость перед подчиненными. Офицер коротко сплюнул в священный ручей, оскверняя воду, и хрипло бросил через плечо переводчику:

— Передай им. Если завтра к полудню этот щенок еще раз подойдет к воде, я сожгу весь их лагерь. Я сотру их имя с этой земли. Они уйдут отсюда нищими, и собаки будут выть на их костях.

Офицер развернулся и пошел к своей палатке, на ходу комкая грязный платок. В его груди горела черная дыра из зависти и ревности. Время в каньоне замерло, создавая кольцо на долгие века вперед.

Глава 3

Москва, настоящее время

Двухкомнатные апартаменты на тридцать пятом этаже башни «Око» стоили дорого, но Павел никогда не думал о покупке. По крайней мере, в России. Уже больше десяти лет он размышлял исключительно категориями доходности и ликвидности: недвижимость в Сити переоценена, а аренда через управляющую компанию закрывала все бытовые вопросы и не связывала руки. Павел даже вовремя подсуетился на переговорах с УК, снизив цену под силой своего обаяния и уверенных аргументов. Свободный капитал должен работать в обороте и других финансовых инструментах, а не застревать в бетонных перекрытиях, привязывая его к одному метражу.

Мысли о маленьком, но собственном гнезде никогда не были для него привлекательной мечтой, в отличие от его омских товарищей. Он привык получать всё что угодно, но не по чужому шаблону, а строго по своему выверенному плану с максимальной выгодой. Учитывая осенне-зимний сезон слякоти и грязного снега, Павел на это время обычно уезжал в популярные среди инвесторов локации. Снимал временное жилье на Бали или в Дубае. Присматривался там к недвижимости на долгосрок, но пока не нашел удачного варианта. Ни один проект не давал требуемой доходности по сравнению с текущим бизнесом и его портфелем ценных бумаг.

Удобство жилья в Сити объяснялось не только близостью к офису, но и ощущением закрытости — на жилые этажи башен так просто не попасть, отсюда это поддерживало уединенность интроверта, который мог пройти незамеченным. И хотя в холлах Сити на первом этаже постоянно сновали местные жители, офисные сотрудники, да и просто туристы, мечтающие о круговом обзоре с крыши, любой живущий в Сити с местным пропуском был как тайным агентом территории, допуск к которой имел только он. Круглосуточная охрана, возможность спуститься и получить любой доступ к еде, напиткам и сервисам без долгих прогулок и поездок по городу, что для постоянно забитого машинами мегаполиса является огромным преимуществом. Москва имела множество измерений, которые часто не пересекались между собой, и Сити был одним из таких измерений со своими правилами, ритмом жизни и правом доступа. Портал, запускающий только своих и сжирающий всех тех, кто не соответствует месту.

Здесь царил стерильный хайтек — любимый стиль клиентов в этом районе. Золотые вензеля или уютная современная классика давно не вдохновляли представителей IT, криптовалюты и больших денег. Клининговая служба от УК приходила строго по расписанию, унося с собой весь состав губок, тряпок и банок из-под химии, поэтому в апартаментах не было ни пылинки, ни единой лишней детали. Даже робот-пылесос скромно стоял в углу коридора скорее как часть мебели. Матовые светло-серые стены, скрытые диодные ленты умного света, выжженные сейчас до холодного неоновго-голубого спектра, и огромные окна во всю стену. При желании отсюда можно было увидеть изгиб Москвы-реки. Квартира напоминала фото из журнала по дизайну, только без смеющейся семьи и детей на безупречном фоне. Дорогая операционная система, очередная ячейка роботизированного механизма, подчиняющаяся законам больших амбиций.

Павел сидел на жестком замшевом диване в темно-серых тонах, уставившись на экран смартфона. Часы показывали одиннадцать вечера. Он чертовски хотел, чтобы Анна была здесь. Её присутствие — единственное, что могло заглушить нарастающую тоску и тревогу. Но в последний момент планы сорвались.

«Паш, прости, — высветилось в WhatsApp. — Я застряла в World Class. После этого ланча не могу прийти в себя. Мне нужно вылить этот стресс на дорожке и в бассейне, иначе я не усну. Приеду к тебе завтра сразу в офис, хорошо?»

Павел медленно набрал ответ: «Да, конечно. Отдыхай».

* * *

В трех километрах отсюда, в премиальном фитнес-пространстве World Class, Анна Громова пыталась довести свое тело до беспамятства, чтобы заставить замолчать безумные мысли, кричащие в голове. Здесь тоже царил культ безупречности, но другого толка — глянцевого, потный, пахнувший дорогим парфюмом, хлорированной водой бассейна и отчаянием людей, пытающихся выжать из себя дневной стресс.

Светящиеся неонам залы отражались в огромных зеркалах. Анна бежала по дорожке уже сорок минут. Скорость — одиннадцать километров в час. Кроссовки ритмично, с глухим стуком вбивались в резиновое полотно тренажера. Сердце колотилось в горле, футболка на спине промокла насквозь, но депрессивный, липкий налет, накрывший её после угрожающих слов Жестова, не исчезал.

Перед её глазами всё еще стояло неряшливое, хищное лицо инвестора, пожирающего стейк, и его слова: «Ты сядешь минимум на восемь лет, Паша... Финансовый и IT-мир сотрет тебя».

Анна увеличила скорость. Ей хотелось бежать так быстро, чтобы выскочить из собственной кожи. С самого детства родители сравнивали её с другими ребятами и всегда не в её пользу: «Вот, Ольга — дочь знакомой из соседнего подъезда, молодец, так хорошо учится. А Маша всегда так аккуратно одевается. Юлия — очень стройная и спортивная девочка, так хорошо держит себя в форме». Она всегда была «недостаточно» хороша для них и в плане внешности, и даже стараний в учебе — слишком высокая планка ожиданий стояла над ней с детства в виде дамоклова меча. Поэтому она привыкла неосознанно соревноваться и решать проблемы через изнуряющий контроль интеллекта. Но сейчас, впервые в жизни, её безупречный юридический мозг пасовал. Она понимала, что Жестов не блефует. Логика, которой она так гордилась, вела на эшафот. Из глубины подсознания снова поднимался тот неведомый и необъяснимый ужас, который заставил её в ресторане закрыть Павла спиной.

Ноги подкосились. Анна резко нажала кнопку «Стоп», сошла с дорожки и, тяжело дыша, дошла до уходящих в пол окон тренажерного зала, сквозь отражение которого постоянные посетители краем глаза созерцали свое тело и следы подсушенных мышц, словно на ярмарке тщеславия. Здесь в поле зрения можно было увидеть Москву-Сити, которая казалась скоплением ледяных кристаллов. Она посмотрела на экран телефона, увидела короткое сообщение Павла: «Да, конечно. Отдыхай». От этой его привычной сдержанности, вечной железной выправки, за которой он прятал свою панику, ей захотелось закричать.

Она швырнула телефон в сумку, ушла в пустую аква-зону и беззвучно, солдатиком, шагнула в глубокую воду бассейна. Вода сомкнулась над её головой. В этой синей, глухой тишине Анна наконец позволила себе то, чего никогда не делала на людях — она заплакала. Горячие слезы мгновенно растворялись в ледяной, отфильтрованной воде. Она сидела несколько секунд на самом дне бассейна, глядя на мерцающие снизу плиточные швы, и её тело, привыкшее к идеальной растяжке и тону бодибалета, сейчас казалось ей тяжелым, чужим якорем. Она подсознательно чувствовала: вода — это её стихия, единственное место, где она может дышать, даже когда легкие разрываются от нехватки воздуха. Но над водой, там, в Сити, её Павла планомерно уничтожали, и она обязана была стать для него спасительным кругом, чего бы ей это ни стоило.

Вынырнув, Анна жадно схватила ртом воздух. Её тушь полностью размазалась, оставляя на щеках грязные дорожки, при этом красота была уже не рафинированной, за которой она пряталась всю жизнь, а яростной и по-настоящему живой.

* * *

После своего сообщения Павел заблокировал экран и откинул голову на подушки дивана. Внутри привычно зашевелилась холодная, звенящая пустота. Он думал об Анне.

Она была его главным, необъяснимым сокровищем — умная, ослепительно красивая, преданная. Любой другой мужчина на его месте давно бы сделал предложение, но Павла что-то удерживало. Уверенная логика твердила, что брак — это юридическая формальность, штамп, который ни на что не влияет. Но на глубинном, подсознательном уровне его стопорил ледяной страх. Ему казалось, что если он сделает этот шаг, если свяжет их имена официально, случится что-то непоправимое. Словно эта связь навлечет на них разрушительную грозу совместного быта и неминуемого конца.

Он контролировал этот страх логикой, но яма внутри никуда не исчезала. Что-то скреблось внутри, разъедаая спокойствие. В конце концов, они еще слишком молоды, чтобы размениваться на брачные контракты, обсуждение капитала и его возможного раздела. Это притупляет всю нежность и страсть их отношений.

Родители не давили на него, сохраняя спокойную уважительную дистанцию и безусловную любовь. Им не требовались отчеты о его личной жизни, наличие внуков или покупка собственных квадратных метров в комплекте с дачей за городом. Их спокойный мир вдвоем, ежедневные хлопоты на собственной ферме, которую они организовали после выхода на пенсию, занимали всё время. Они не нуждались в дополнительных доказательствах успешности своего сына.

Среди его сверстников многие уже отметили паспорт брачной печатью, а некоторые даже дважды — штампом и на вход, и на выход. Но все эти ритуалы, шумные пляски на свадьбах и раздражающие ритуалы выкупа невесты или элитных процессий на Лазурном берегу только отталкивали его своей ординарностью. Если уж и заключать союз, то под семью печатями, что только подчеркнет его уникальность среди сотен одинаковых историй.

Он вспомнил, как один из его друзей еще из студенческой жизни в момент отчаяния от неминуемого развода приходил к нему за советом. На развод подала жена, а друг внутренне умирал от боли и непонимания, как ему жить дальше, ведь он продолжает любить ее. Павел даже не пытался показать другую точку зрения, что жена имеет право на этот выбор, а он свободен любить даже на расстоянии — здесь нужно было просто выслушать друга, искавшего молчаливое принятие его самого. В свою очередь поняв, что никакие формальные узы не помогут сохранить союз, если внутри уже что-то умерло.

Павел резко поднялся в полудреме — сколько он в ней пробыл, он так и не понял. Состояние стало еще более тяжелым и мутным, возникшее раздражение требовало немедленного действия. Нажав кнопку на пульте, он заставил тяжелые шторы блэкаут бесшумно разъехаться в стороны. За стеклом горела неоновыми огнями ночная Москва. До рассвета оставалось несколько часов.

Бессонница окончательно завязала плотный узел в его мыслях. Понимая, что подушка не принесет покоя, Павел прошел к рабочему столу и включил огромный монитор. Системный блок тихо зашелестел вентиляторами. Он сел за клавиатуру и открыл исходный код нового проекта для их финтех-платформы. Пальцы начали методично вбивать команды, выстраивая заградительные алгоритмы от заважашней атаки на его компанию. Строки зеленых символов побежали по экрану.

Уходя в работу с головой и опять превращаясь в чистую функцию, Павел пытался оценить нависшую угрозу. Его аналитический ум лихорадочно препарировал ультиматум Жестова. Блеф это или реальная петля? Мысль о кипрских транзакциях жгла изнутри. Да, три месяца назад кассовый разрыв заставил их рискнуть и прогнать платежи через тот банк-корреспондент. Но Павел был уверен, что убрал все цифровые хвосты, зашив логи глубоко под протоколы шифрования. Каким образом Жестов добрался до этих логов? Кто слил ему доступ? Мысль о внутреннем предательстве в команде казалась невыносимой, но логика упрямо вела именно туда. Жестов — не айтишник, он уличный хищник, а значит, у него на руках был готовый ключ.

Павел чувствовал, как внутри закипает глухой, бессильный гнев. Если папки Жестова уйдут в Следственный комитет, блокировка платформы произойдет мгновенно. Заморозка счетов, отзыв лицензии, паника среди миллионов пользователей. Дело всей его жизни, его любовно выстроенная технологическая империя превратится в пепел за пару кликов.

Ум Павла отказывался принимать поражение и лихорадочно просчитывал варианты: юридическая защита, встречные иски, попытка перекупить информатора. Но Жестов не оставил времени для маневра. Он действовал как опытный рейдер, приставивший пистолет к виску на темной парковке. Павел вбивал строчку за строчкой, пытаясь закрыть уязвимость в коде прямо сейчас, задним числом, понимая, что, возможно, просто пытается перекрыть плотиной ревущий водопад.

Через два часа непрерывного кодинга глаза окончательно отказались служить. Символы на мониторе начали плыть. Зеленые точки и скобки в темноте апартаментов стали странно двоиться, искривляться и подсознательно складываться в один и тот же рисунок. Павел замер, не веря глазам, и еле слышно пробормотал: «Что за ерунда?». Числовой код на экране внезапно выстроился в три четкие вертикальные линии, опускающиеся на ровные точки. Геометрический логотип фонда Жестова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.